

МАРИЯ МАРЕЙ*

КОНФЛИКТ КАК НОРМА**

АГОНИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ

Получено: 08.12.2025. Рецензировано: 24.04.2026. Принято: 09.08.2026.

Аннотация: Статья посвящена анализу агонистического поворота в теории демократии, связанного прежде всего с работами Шанталь Муфф. Отправной точкой служит констатация системного кризиса либеральной демократии, который, вопреки оптимистическим прогнозам конца прошлого века, не только не исчез, но и приобрел новые, более острые формы. Автор показывает, что классические делиберативные модели (Ролз, Хабермас), ориентированные на достижение рационального консенсуса, оказываются теоретически несостоятельными и политически опасными, поскольку они выносят за скобки неустрашимый антагонизм, неизбежно сопровождающий любую плюралистическую политическую общность. В статье анализируются ключевые понятия теории Муфф: гегемония как временная и оспоримая репрезентация тотальности, агонизм как «укрощенная» форма антагонизма, а также критическое переосмысление гражданства и публичной сферы. Особое внимание уделено интеллектуальным источникам проекта Муфф, в первую очередь — полемическому диалогу с Карлом Шмиттом, у которого она заимствует понимание политического как поля конфликта, но радикально переформулирует его выводы в демократическом ключе. Автор также рассматривает продуктивные дополнения, предложенные Нэнси Фрейзер (акцент на материальном неравенстве и субалтерных контр-публиках) и Аделой Кортиной (этическое обоснование агонизма и воспитание морального субъекта), которые позволяют преодолеть слабости агонистического подхода, его недостаточную институциональную проработанность и игнорирование социально-экономических условий политического участия. В итоге агонистическая модель предстает не как готовая политическая программа, а как критическая оптика, требующая постоянной рефлексии и незавершимости, как приглашение к борьбе, которая ведется не на уничтожение, а за признание легитимности оппонента.

Ключевые слова: агонистическая демократия, антагонизм, гегемония, политический конфликт, делиберативная демократия, публичная сфера, Шанталь Муфф, Карл Шмитт.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-13-42.

ВВЕДЕНИЕ: КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ПОИСКИ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Современная политическая философия все чаще обращается к вопросам, которые еще несколько десятилетий назад казались если не

*Марей Мария Дмитриевна, к. филос. н., ответственный секретарь, журнал «Философия. Журнал Высшей школы экономики» (Москва); доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), mdyurlova@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9251-4399.

**© Марей, М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

решенными, то, по крайней мере, вынесенными за скобки теоретического осмысления. Что делать с потенциальным конфликтом разных групп с разными интересами внутри государства? Возможно ли общество, в котором разногласия если не исчезнут, то хотя бы утратят свою остроту? Или, напротив, сама жизнеспособность демократии зависит от того, насколько умело она институционализирует противостояние, не пытаясь его подавить?

В конце прошлого века многим политическим теоретикам казалось, что мир наконец-то обрел нужную формулу. Границы стирались, старые блоки развалились, а горячие споры между лагерями утихли сами собой. Общество стало другим, и старые лозунги, казалось, потеряли смысл. Можно было говорить о том, что наступит «после»: после распада Советского Союза, после либерализма, после торжества демократических идей. «Свободный мир» победил, враги повержены, а вместе с ними ушла и старая партийная грызня. Вместо конфликтов теперь переговоры, вместо борьбы — общий политический язык. А с ним и обещание скорого космополитического рая, где все счастливы и наделены правами. Однако не все политические теоретики были так оптимистичны.

Шанталь Муфф, о которой далее пойдет речь, известный политический философ, профессор политической теории факультета политических наук Университета Вестминстера и автор множества книг и статей по политической теории, является представительницей так называемых новейших левых и постмарксистов, которые заявили о себе на рубеже 1970–1980-х гг. Постмарксисты порывают с ортодоксальным учением о классовой борьбе и много пишут о социальном и политическом антагонизме как нормальной части политического процесса и социальной структуры современных государств. Причем этот антагонизм, по их мнению, рождается не из отношений собственности и эксплуатации, а из принципиальной разности интересов групп и неизбежного столкновения их позиций. В итоге они переворачивают привычную пирамиду: во главу угла ставится не экономика, а политика как таковая, где главной целью будет создание широкого народного альянса для давления на власть, причем финансовые чаяния участников такого союза считаются второстепенными.

Как свидетельствует растущий успех крайне правых в нескольких европейских странах, современные западные общества переживают что-то вроде кризиса демократических институтов. Возможно, это нормальный процесс политического развития современных обществ, а возможно, как писала еще в 1990-е гг. Шанталь Муфф, «такое отчуждение может

иметь серьезные последствия для будущего демократии. К сожалению, либеральные демократические общества плохо подготовлены к тому, чтобы противостоять нынешнему вызову, поскольку они не способны понять его природу» (Mouffe, 1999: 745). Одна из главных причин этой неспособности, по мнению Муффа, кроется в приверженности и политиков, и теоретиков тому типу политической теории, которая ограничивается индивидуалистической, универсалистской и рационалистической рамкой. Это препятствует адекватному осмыслению самой природы плюралистической демократической публичной сферы — а значит, вполне вероятно, что этот кризис является выражением системной проблемы.

То, что предлагает сама Шанталь Муфф и что она называет «агонистической моделью демократии», означает радикально иной взгляд на природу демократической политики и возможный выход из теоретического тупика. Но Муфф не просто выдвигает еще одну теоретическую модель. Она ставит под сомнение сами основания либерального мышления о политике, утверждая, что их главный недостаток состоит в неспособности признать неустранимость антагонизма. Центральным для нее является убеждение, что «демократическое общество больше не может мыслиться как общество, которое реализовало бы мечту о совершенной гармонии или прозрачности» (ibid.: 752). Его демократический характер, утверждает она, «может быть задан только тем фактом, что ни один ограниченный социальный актор не может приписывать себе представительство тотальности и претендовать таким образом на „овладение“ основанием» (ibid.). Этому, в частности, посвящена их совместная с Эрнесто Лакло книга «Гегемония и политическая стратегия», где они пишут о том, какие последствия для радикальной концепции демократии будет иметь признание неискоренимости власти, антагонизма и того факта, что никогда не может быть тотальной эмансипации, а только частичные.

Чтобы понять логику агонистического поворота, необходимо проследить, как Муфф переосмысливает классические для политической теории концепты — от гегемонии и антагонизма до гражданства и публичной сферы, — а также то, какие интеллектуальные источники лежат в основе ее собственного подхода. Одним из ключевых для нее интеллектуальных источников является критика либеральной демократии Карла Шмитта, чье определение политического одновременно вдохновляет Муффа и задает проблемное поле, которое она стремится переопределить.

КРИТИКА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ГЕГЕМОНИИ

Обращение Муфф к Карлу Шмитту — не случайный теоретический выбор, а стратегический ход, направленный на выявление фундаментальных противоречий либеральной демократии. Разбирая противоречия демократии и либерализма, заявляемые Шмиттом, она пытается показать, что эти противоречия лишь видимые:

С одной стороны, он, по-видимому, всерьез рассматривает возможность разрушения единства государства вследствие плюрализма. Но если этот распад представляет собой особую *политическую* возможность, то из этого также следует, что существование такого единства само по себе случайно и нуждается в политическом конструировании. Но, с другой стороны, единство преподносится как *factum*, очевидность которого позволяет не придавать значения политическим условиям его возникновения. Только благодаря этой уловке альтернатива может стать столь неизбежной, как того желает Шмитт (Муфф, Смирнов, 2004: 152).

Обосновывая свой интерес к работам Шмитта, Муфф пишет, что политическим теоретикам для выдвижения концепции либерально-демократического общества следует учитывать доводы тех, кто выступает против основных принципов либерализма. Это предполагает рассмотрение ряда неприятных вопросов, которых обычно избегают и либералы, и демократы.

Шмитт утверждает, что либерализм исключает демократию, а демократия исключает либерализм, и потому парламентская демократия, сочетающая в себе либерализм и демократию, нежизнеспособна. Он пишет:

Вера в парламентаризм, в *government by discussion*, неразрывно связана с миром идей либерализма. Но столь же неразрывной связи с демократией у нее нет. Либерализм и демократию следует отделить одно от другого, чтобы увидеть, каким гетерогенным образованием является современная массовая демократия. Всякая подлинная демократия основана на том, что не только с равными обращаются равно, но и с неравными обращаются неравно. Демократия, таким образом, требует, во-первых, гомогенности, а во-вторых, в случае необходимости исключения или уничтожения гетерогенного. [...] Политическая сила демократии обнаруживается в том, что она умеет устранять то, что угрожает гомогенности, или оградить себя от него (Шмитт, Филиппов, 2009: 10–11).

Демократические граждане наделены равными правами именно благодаря своей принадлежности к народу, а не потому, что они разделяют абстрактную идею человечества. Шмитт утверждает, что основным понятием демократии является не «человеческая природа», а «народ», и что демократия человечества невозможна. Демократия может существовать только для народа: «Равенство всех людей как людей — это не демократия, а либерализм определенного рода, не форма государства, но индивидуалистически-гуманитарная мораль и мировоззрение. Современная массовая демократия основывается на плохо проясненной связи того и другого» (Шмитт, Филиппов, 2009: 13). Шмитт замечает, что даже в современных демократических государствах (современных ему, естественно), где установлено всеобщее человеческое равенство, существует категория людей, которые подвергаются исключению, будучи чужеземцами или иностранцами, и что, следовательно, никакого абсолютного равенства людей не существует. Равенство граждан в этих государствах неизбежно сопровождается обостренным вниманием к национальной однородности и разделительной линии, пролегающей между теми, кто принадлежит к государству, и теми, кто остается за его пределами. Этого, отмечает он, и следует ожидать, и если бы этого не было и государство попыталось осуществить всеобщее равенство индивидов в политической области, не заботясь о национальной или другой форме однородности, то в результате произошло бы полное обесценение политического равенства и самой политики. Далее следуют замечательные рассуждения о том, что демократия вполне может исключать часть населения, оставаясь при этом демократией, и мы знаем много исторических примеров этого. Не будем приводить здесь эти рассуждения. Шмитт, безусловно, был прав, но так же очевидно, что далеко не все более поздние теоретики демократии были готовы согласиться с этим.

Шанталь Муфф отмечает, что важность этих замечаний Шмитта в том, что демократическая концепция равенства является политической и уже потому предполагающей возможность различия. Она также согласна с его мыслью о том, что политическая демократия не может основываться на общности всего человечества и что она должна принадлежать определенному народу. Она обращается к проблеме идентичности и, в частности, к мысли Шмитта о том, что идентичность демократического политического сообщества зависит от возможности проведения границы между «нами» и «ними». По ее мнению, Шмитт придает особое значение тому обстоятельству, что демократия неизменно приводит к отношениям включения/исключения. В этом и состоит

важнейшая мысль, которую демократы неосмотрительно отвергли по причине своей нелюбви к ее автору.

Одна из главных проблем либерализма — и она таит в себе угрозу демократии — заключается в его неспособности осмыслить такую границу. Как указывает Шмитт, основное понятие либерального дискурса — «человеческая природа», а она, согласно его справедливому замечанию, не является политическим понятием и не соотносится ни с одним политическим образованием (Муфф, Смирнов, 2004: 145).

Либеральная теория не в состоянии дать удовлетворительный ответ на основной вопрос о границах политической общности, именуемой «народом», поскольку необходимость проведения такой «границы» противоречит ее универалистской риторике. Ключевыми понятиями демократии, в отличие от либеральной «человеческой природы», действительно являются «демос» и «народ».

Однако Муфф не принимает шмиттианский вывод о нежизнеспособности либеральной демократии. Она предлагает отказаться от дилеммы Шмитта, согласившись при этом с его доводами в пользу необходимости определенной однородности при демократии. То, о чем Шмитт говорит как об «однородности», она называет «общностью», чтобы подчеркнуть ее необходимость для создания «демоса». Она должна быть достаточно прочной, но при этом совместимой с определенными формами плюрализма: религиозного, морального и культурного, а также плюрализма политических партий (там же: 148).

По мнению Муфф, нужно сделать то, чего не делает Шмитт: признав, что единство народа представляет собой результат политического конструирования, следует рассмотреть все логические возможности, которые предполагает политическая артикуляция.

Понимая идентичность народа — или, скорее, множество его возможных идентичностей — как форму политической артикуляции, важно отметить, что если она действительно является политической артикуляцией, а не просто признанием эмпирических различий, то такую идентичность народа следует считать результатом политического процесса гегемонистской артикуляции. [...] Однако такая идентичность никогда не может быть окончательно установлена и существует только в виде множества соперничающих форм идентификации (там же: 153).

Либеральная демократия означает признание этого основополагающего разрыва между народом и его разнообразными идентификациями. Поэтому важно всегда сохранять пространство соперничества

открытым, а не пытаться заполнить его путем установления будто бы «рационального» консенсуса.

Для понимания того, как сохранить это пространство соперничества, очень важно переосмысление понятия гегемонии, осуществленное Муфф совместно с Эрнесто Лакло в книге «Гегемония и социалистическая стратегия» (Laclau & Mouffe, 1985). Это понятие является центральным во всей ее работе, хотя его понимание и претерпело определенную эволюцию, которую необходимо зафиксировать.

В интервью 2011 г. Муфф поясняет ключевой аспект своей теории гегемонии, отвечая на критику Стефана Рюмменса, который усмотрел противоречие между ранней и поздней работами Муфф. Рюммэнс утверждал, что в демократии следует проводить фундаментальное различие между народом как целым и конкретным большинством, находящимся у власти. Это большинство никогда не может претендовать на полное представительство народа. В то время как логика гегемонии, как она была представлена в «Гегемонии и социалистической стратегии», предполагает представление (репрезентацию) тотальности частностью, что противоречит более позднему утверждению Муфф о том, что «[демократический] характер [определенного актора] может быть дан только тем фактом, что ни один ограниченный социальный актор не может приписывать себе представительство тотальности» (Mouffe, 2000: 50–51, цит. по: Decreus & Lievens, 2011: 677–678).

Муфф решительно отвергает это прочтение. Она настаивает на том, что ее позиция полностью совместима с тезисом Лефорта о «пустом месте власти» (Lefort, 1986):

То, что Лефорт утверждает, это что в демократии место власти является пустым местом. И я полностью с этим согласна. [...] В демократии никто не может полностью занять место власти. [...] Реальное различие между демократическим и тоталитарным режимом заключается в том, что в первом занятии всегда является временным и оспоримым (Decreus & Lievens, 2011: 678–679).

Борьба за гегемонию, по ее словам, «всегда является попыткой представить определенное понимание народа как целого. Но это никогда не может увенчаться успехом. Никогда не может быть универсальности, которая могла бы быть идеально реализована, потому что любая универсальность на самом деле является частностью, представляющей себя как универсальность» (ibid.: 679).

Это ключевое различие между гегемонией как временным и оспоримым представлением тотальности и тоталитарной претензией на окончательное и неоспоримое отождествление с народом. Гегемония в этом смысле всегда связана с демократией, поскольку предполагает открытость для оспаривания: «Я действительно сказала бы, что гегемонистская логика, как я ее описала, актуальна только в контексте демократических обществ», — отмечает Муфф (Decreus & Lievens, 2011: 678). Борьба за гегемонию, по мнению Муфф, — это всегда попытка представить определенное понимание народа как целого. Но это никогда не может увенчаться успехом:

Элемент этой частности всегда остается внутри универсального. Вот почему чистая универсальность не существует. Это полностью соответствует тому, что я говорю в «Демократическом парадоксе». Я утверждаю там, что в демократии ни один ограниченный социальный актор не может приписывать себе представительство тотальности. И на самом деле именно так я понимаю точку зрения Лефорта о пустом месте власти. Это одно и то же. Любое гегемонистское представительство всегда будет оспариваться, потому что другие группы также будут представлять себя как представляющие тотальность. В основном это и есть политика. Это о том, кто способен убедить народ (ibid.: 679).

В более ранней работе «Радикальная демократия: современная или постсовременная?» Муфф связывает это понимание гегемонии с постструктуралистской критикой эссенциализма. Она утверждает, что

для того, чтобы быть способной мыслить политику сегодня и понимать природу этих новых битв и разнообразие социальных отношений, которые демократическая революция еще должна охватить, необходимо разработать теорию субъекта как децентрированного, детотализованного агента, субъекта, сконструированного в точке пересечения множества субъектных позиций, между которыми не существует априорной или необходимой связи и чья артикуляция является результатом гегемонистских практик (Mouffe, 1989: 35).

С точки зрения Муфф, такая гегемония никогда не будет полной, и в любом случае нежелательно, чтобы общество управлялось одной-единственной демократической логикой. Проект радикальной и плюральной демократии, напротив, требует существования множественности, плюральности и конфликта и видит в них причину существования политики. Переформулировка демократического проекта в терминах радикальной демократии требует отказа от абстрактного просвещенческого универсализма недифференцированной человеческой природы.

Следовательно, никакая идентичность никогда не устанавливается окончательно. Этот тезис имеет решающее значение для понимания политики как практики конструирования коллективных идентичностей. Поскольку идентичности никогда не даны заранее, они становятся предметом политической борьбы: разные группы оспаривают друг у друга право определять, что значит «быть народом», какие ценности и символы составляют его основу. «Гегемония, — пишет Муфф, — как раз и заключается в конструировании народа, в том, чтобы заставить людей идентифицировать себя с определенной концепцией общего блага, даже если окончательное общее благо остается недостижимым» (Decreus & Lievens, 2011: 679).

Эти рассуждения неразрывно связаны с новым пониманием гражданства и политической идентичности. В работе «Гражданство и политическая идентичность» Муфф формулирует свою позицию в полемике как с либеральной, так и с коммунитаристской традицией.

Она утверждает, что обе существующие альтернативы — либеральная и коммунитаристская — неудовлетворительны. Либеральная модель сводит гражданство к правовому статусу и обладанию набором прав, делая его одной идентичностью среди многих других и тем самым принося гражданина в жертву индивиду. Коммунитаристская модель, напротив, превращает гражданство в доминирующую идентичность, которая преобладает над всеми остальными, рискуя пожертвовать правами индивида во имя общего блага. «Если необходимо критиковать недостатки либерализма, — пишет Муфф, — следует также признать его решающий вклад в возникновение современной концепции демократии. Поэтому важно признать специфику современной демократии и центральную роль, которую в ней играет плюрализм» (Mouffe, 1992: 29). Если мы признаем, что основной задачей современного политического теоретика является необходимость мыслить политическое сообщество в условиях современной демократии, а не создавать политическую утопию, то нужно представить такую форму общности, которая уважала бы разнообразие и оставляла пространства для различных форм индивидуальности. Суть проблемы заключается в том, как мы концептуализируем политическое сообщество и способ, которым мы принадлежим к политическому сообществу, то есть — что мы понимаем под гражданством.

Муфф предлагает понимать гражданство не как одну из идентичностей и не как доминирующую идентичность, а как «артикулирующий принцип, который затрагивает различные субъектные позиции социального агента, позволяя при этом множественность специфических

привязанностей и уважение к индивидуальной свободе» (Mouffe, 1992: 30). Это означает, что гражданство не отменяет другие идентичности (профессиональные, культурные, религиозные), а связывает их, придавая им политическое измерение. В этом контексте Муфф обращается к концепции *res publica* Майкла Оукшотта, понимая ее как набор правил и условий, которые должны соблюдаться при выборе действий. В либерально-демократическом режиме *res publica* конституируется политическими принципами такого режима: свободой и равенством для всех.

В той же работе Муфф описывает, как может выглядеть радикально-демократическая интерпретация гражданства. Она будет подчеркивать многочисленные социальные отношения, в которых существуют отношения господства и которые должны быть оспорены. Создание политических идентичностей как радикально демократически настроенных граждан «зависит от коллективной формы идентификации между демократическими требованиями, обнаруживаемыми в различных движениях: движениях женщин, рабочих, чернокожих, экологическом, а также против других форм подчинения» (ibid.: 31). Это означает не установление простого альянса, а создание «цепи эквивалентности», которая трансформирует идентичность каждой из групп. Муфф подчеркивает, что «такое отношение эквивалентности не устраняет различия — ибо это была бы простая идентичность. Только постольку, поскольку демократические различия противостоят силам или дискурсам, которые отрицают их все, эти различия могут замещать друг друга» (ibid.: 32). При этом различные важные для человека формы идентичностей сохраняются, и ни одна не приносится в жертву другой. Они сосуществуют в постоянном напряжении, которое никогда не может быть примирено. Но это, как отмечает Муфф, как раз и есть то напряжение между свободой и равенством, которое конститутивно для современной плюралистической демократии и разрешение которого привело бы к ее разрушению. Плюрализм необходим, и его сохранение обеспечивается признанием необходимости агонизма. Между логикой полной эквивалентности и логикой чистого различия опыт радикальной и плюральной демократии должен, следовательно, состоять в признании множественности социальных логик наряду с необходимостью их артикуляции.

АГОНИЗМ И АНТАГОНИЗМ

Как уже упоминалось, ранее, Шанталь Муфф признает значимость шмиттианского вызова для развития политической мысли, но трансфор-

мирует его в принципиально ином направлении, чем мы видели у самого Шмитта. В частности, она объясняет свое обращение к Шмитту необходимостью найти инструменты для критики либерализма, который, как и марксизм, не признает автономии политического. Однако она не хочет следовать за Шмиттом в его неприятии либеральной демократии: «Моей целью было переформулировать либерально-демократическую рамку таким образом, чтобы она допускала политическое измерение — в шмиттианском смысле» (Decreus & Lievens, 2011: 683).

И, признавая несомненную ценность идей Карла Шмитта, Муфф отмечает — основная проблема с ним в том, что он понимает политическое только как конфликт, не оставляя пространства для иных отношений, кроме «друг/враг»:

Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага. Оно дает определение понятия в смысле критерия, а не через исчерпывающую его дефиницию или извещение о содержании понятия. Поскольку это различие не выводимо из иных критериев, оно, для политического, аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: доброму и злему в моральном; прекрасному и безобразному в эстетическом и т. д. Во всяком случае, оно самостоятельно не в том смысле, что здесь собственная новая предметная область, но в том, что оно не может быть основано на одной из иных указанных противоположностей или на ряде их, не может оно и быть сведено к ним (Шмитт, Филиппов и др., 2016: 301–302).

Это, впрочем, совершенно логично, если учесть, что для Шмитта значимой была констатация того факта, что «мир, в котором была бы полностью устранена и исчезла бы возможность такой борьбы, окончательно умиротворенный Земной шар, был бы миром без различения друга и врага и вследствие этого — миром без политики» (там же: 311).

Таким образом, значимая для Муфф дилемма, подсвеченная Шмиттом, может быть сформулирована так: возможность возникновения политического разделения необходима для существования государства, так как государство, в котором отсутствует или заблокирована возможность разделения на «друзей» и «врагов», — это уже не государство. Таким образом, демократия, выдвигающая в качестве идеала, к которому нужно стремиться, консенсус, предполагающий снятие противоречий или принудительное замирение, тоже была бы миром без политики. Но чем тогда будет государство? Экономическим союзом? Ассоциацией, наравне с другими ассоциациями? Нет, оно по определению представляет собой нечто большее:

Государство как основополагающее политическое единство сконцентрировало у себя чудовищные полномочия: возможность вести войну и тем самым открыто распоряжаться жизнью людей. Ибо *jus belli* содержит в себе такое полномочие; оно означает двойную возможность: возможность требовать от тех, кто принадлежит к собственному народу, готовности к смерти и готовности к убийству и возможность убивать людей, стоящих на стороне врага. Действие нормального государства состоит, прежде всего, в том, чтобы осуществить полное умиротворение внутри государства и на его территории, установить «спокойствие, безопасность и порядок» и тем самым создать нормальную ситуацию как предпосылку того, что правовые нормы вообще могут быть значимы, ибо всякая норма предполагает нормальную ситуацию, и никакая норма не может быть значима в ситуации, совершенно ненормальной по отношению к ней. В критических ситуациях эта необходимость внутригосударственного умиротворения ведет к тому, что государство как политическое единство совершенно самостоятельно, пока оно существует, определяет и «внутреннего врага» (Шмитт, Филиппов и др., 2016: 311).

Таким образом, государство невозможно без политического, а политическое — без определения «друга» и «врага». Но, по мнению Муффа, мы можем пойти дальше и предположить, что конфликт может пониматься не только в терминах «друг»/«враг». «Конечно, если конфликт может выражать себя только в этих терминах, то я согласна со Шмиттом, что легитимный конфликт в строгом смысле невозможен в рамках одной политической ассоциации, потому что это привело бы к гражданской войне» (Decreus & Lievens, 2011: 684). Но есть другой способ проявления антагонизма — агонистический.

Муфф проводит различие между этими двумя типами политических отношений: антагонизм между врагами и агонизм между противниками:

Когда мы говорим об агонизме, конфликт происходит не между друзьями и врагами, а между противниками, которые признают легитимность позиций друг друга. Конфликт между этими противниками остается конфликтом, борьбой за власть, в которой невозможно окончательное примирение, но это укрошенный конфликт (ibid.: 685).

Цель демократической политики, формулирует она в другой работе, «превратить „антагонизм“ в „агонизм“» (Mouffe, 1999: 755).

Важно подчеркнуть, что между антагонизмом и агонизмом, по Муффу, нет четкой границы: «Для меня между антагонизмом и агонизмом существует континуум. Некоторые агонистические конфликты могут содержать антагонистические элементы, и в некоторых антагонизмах можно найти агонистические элементы» (Decreus & Lievens, 2011: 685).

Она также настаивает на том, что антагонизм никогда не может быть полностью устранен: «Остается форма антагонизма в каждом агонизме. Иначе агонистические оппоненты стали бы просто конкурентами, которые могут достичь примирения или рационального соглашения. Так что чистый агонизм для меня невозможен» (Decreus & Lievens, 2011: 685).

В статье «Какая публичная сфера нужна демократическому обществу?» Муфф развивает эту мысль, утверждая, что центральной категорией демократической политики является категория «противника» (или соперника): «Противники борются друг против друга, потому что хотят, чтобы их интерпретация стала гегемонистской, но они не ставят под сомнение легитимность права своих оппонентов бороться за победу своей позиции» (Mouffe, 2002: 58). Это позволяет провести важное различие с либеральным пониманием противника как конкурента. В либеральной модели, по словам Муфф,

поле политики рассматривается как нейтральная территория, на которой различные группы конкурируют за занятие позиций власти, то есть их цель — просто сместить других, чтобы занять их место, не ставя под сомнение господствующую гегемонию и не трансформируя глубоко отношения власти (ibid.: 59).

В агонистическом же подходе антагонистическое измерение всегда присутствует, поскольку «на кону стоит борьба между противоположными гегемонистскими проектами, которые никогда не могут быть рационально примирены; один из них должен быть побежден» (ibid.).

Это различие между противником и конкурентом имеет принципиальное значение для понимания природы агонистической демократии. Она не пытается устранить конфликт, а стремится его «одомашнить», придать ему форму, совместимую с демократическими ценностями. Признание легитимности существования оппонента — это не признание правильности его позиции, а признание его права бороться за эту позицию в рамках общей приверженности этико-политическим принципам демократии.

Безусловно, плюралистическая демократия требует определенного объема консенсуса, но такой консенсус касается только некоторых этико-политических принципов. Однако, поскольку эти этико-политические принципы могут существовать только через множество различных и конфликтующих интерпретаций, такой консенсус неизбежно будет «конфликтным консенсусом». Вот почему плюралистическая демократия должна оставлять место для инакомыслия и для институтов, через

которые оно может проявляться. Ее выживание зависит от формирования коллективных идентичностей вокруг четко дифференцированных позиций, а также от возможности выбора между реальными альтернативами. Когда агонистическая динамика плюралистической системы блокируется из-за отсутствия демократических идентичностей, с которыми можно было бы идентифицировать себя, существует риск, что это приведет к умножению столкновений по поводу эссенциалистских идентичностей и не подлежащих обсуждению моральных ценностей.

Однако именно в этом пункте агонистическая концепция Муфф сталкивается с серьезной критикой. Николай Роскамм, к примеру, соглашаясь с «диагнозом», который Муфф ставит современному неолиберализму (растущая деполитизация и нейтрализация политического (в шмиттианском смысле), замена политического «постполитической» политикой в неолиберальном позднем капитализме, которая выступает под именем делиберативной демократии), тем не менее пишет, что предложенное Муфф «укрощение антагонизма до агонизма не является ни возможным, ни необходимым» (Roskamm, 2015: 384). Роскамм показывает, что необходимость в агонизме возникает у Муфф только потому, что она следует за Шмиттом, отождествляя политическое с радикальным противостоянием. Муфф, по словам Роскамма, принимает некоторые фундаментальные допущения, которые делает Шмитт: прежде всего, его представления о сущности политического, примат политического над государственным, критику космополитических либерально-демократических подходов. Однако, пишет Роскамм, проблема в том, что Муфф пытается создать демократическую политическую теорию, то есть нечто такое, чего Шмитт не делает:

Муфф объясняет, что Шмитт помог бы нам увидеть, что «есть нечто парадоксальное в современной демократии», но что он не смог «понять ее реальное значение» [...]. Шмитт конституировал бы плюралистическую демократию как противоречивую комбинацию непримиримых принципов: с одной стороны, делиберативный консенсус (цель демократической политики), с другой — антагонистические силы (сущность политического). Но оба исключали бы друг друга, что — согласно Шмитту — привело бы к признанию того, что либеральная демократия является нежизнеспособной формой правления (ibid.: 390).

Для Муфф важно примирить антагонизм и демократию, но ее попытка это сделать кажется Роскамму неубедительной: ее «укрощенный антагонизм» может существовать лишь короткое время и с неопределенными результатами.

Однако есть альтернативная концепция антагонизма, которая делает такое укрощение излишним — теория Эрнесто Лакло:

Лакло конституирует «вовне» как необходимую часть теоретической модели на онтологическом уровне (уровне политического); Муфф переходит на социальный уровень (уровень политики) и обращается — следуя Карлу Шмитту — к «вовне» как к врагу. И только из-за этого изменения и из-за обращения к этому ее концепция агонизма становится необходимой: теперь антагонизм должен быть укрощен, чтобы избежать сущностного (физического) исключения врага/другого в шмиттианском смысле (Roskamm, 2015: 395).

Роскамм утверждает, что «концепция агонизма основана на сдвиге от одной фазы к другой, от уровня (онтологического) политического к уровню (онтической) политики. Через этот сдвиг концепция агонизма лишает антагонизм его радикальной негативности» (ibid.: 398). Буквально, укрощенный агонизм — это постантагонизм, и в этом смысле он тоже оказывается «за пределами политического», как и предсказывал Шмитт. Роскамм приходит к выводу, что «теория агонизма/антагонизма не очень хорошо работает для позитивной теории планирования», но может служить основой для критического анализа (ibid.).

КРИТИКА ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

И как раз в качестве одного из примеров продуктивного использования такого рода критики можно привести критику Шанталь Муфф делиберативной демократии, представленной прежде всего теориями Юргена Хабермаса и Джона Ролза. Эта критика носит фундаментальный характер и касается не частных недостатков, а самих оснований делиберативного подхода. В статье «Делиберативная демократия или агонистический плюрализм?» Муфф представляет развернутую критику хабермасовской модели. Хабермас, напомним, считает, что демократическая легитимность проистекает из публичного обсуждения, которое приближается к «идеальной речевой ситуации» — свободной, не принуждаемой, открытой и симметричной дискуссии, где решения достигаются силой лучшего аргумента.

Муфф оспаривает эту модель на нескольких уровнях. Во-первых, используя аргументацию Витгенштейна, она ставит под сомнение разделение процедуры и субстанции: «Различия между „процедурным“ и „субстантивным“ или между „моральным“ и „этическим“, которые центральны для хабермасовского подхода, не могут быть сохранены,

и следует признать, что процедуры всегда включают в себя субстантивные этические обязательства» (Mouffe, 1999: 749). Иными словами, нельзя согласовать правила дискуссии, предварительно не договорившись о «языковой игре», которая уже содержит определенные культурные и ценностные предпосылки.

Во-вторых, она использует аргументы Лакана (и Жижека) для критики идеальной речевой ситуации как таковой. Согласно лакановской логике, «символическое поле состоит из свободно плавающих означающих, что делает установление любого дискурса авторитарным: значение может возникнуть только путем выдвижения господина-означающего, за счет и в ущерб другим означающим» (ibid.: 751). Следовательно, любое установление смысла — а значит, и любой консенсус — предполагает акт исключения. Поэтому «препятствия для реализации идеальной речевой ситуации являются отнюдь не эмпирическими или эпистемологическими, а онтологическими. [...] Сами условия возможности делиберации составляют одновременно условия невозможности идеальной речевой ситуации» (ibid.: 751–752).

Муфф замечает, что между позициями тех, кто занимается разработкой делиберативной модели, довольно много различий, но в то же время между ними достаточно сходств, чтобы утверждать, что никто из них не в состоянии удовлетворительно разрешить парадокс демократической политики, заявленный Шмиттом, о котором было сказано ранее. Она разбирает точку зрения С. Бенхаbib (Benhabib, 1996), по мнению которой основная задача демократии состоит в согласовании рациональности с легитимностью — или, иначе говоря, важнейший вопрос, на который должна ответить демократия, заключается в том, каким образом общее благо может сочетаться с народным суверенитетом. Если исходить из этой позиции, можно утверждать: легитимность демократических институтов основывается на том, что притязающие на обязательную власть исходят из того, что их решения отражают беспристрастную точку зрения, выражающую в равной степени интересы всех. Чтобы это условие выполнялось, такие решения должны быть результатом соответствующих публичных процессов обсуждения, которые следуют процедурам хабермасовской модели дискурса.

Однако Муфф отмечает, что в попытке сделать основанием легитимности рациональность этим теоретикам приходится проводить различие между простым согласием и рациональным консенсусом.

Именно поэтому они утверждают, что в процессе общественного обсуждения должны выполняться условия идеального дискурса. Таким образом устанавливаются ценности этой процедуры, каковыми являются беспристрастность и равенство, открытость и отсутствие принуждения, а также единодушие. [...] Однако если мы согласимся с мыслью Шмитта о том, что отношения включения/исключения, неизбежно вписанные в политическое устройство «народа», необходимы для осуществления демократии, то нам придется признать, что препятствия, стоящие на пути к осуществлению идеальной речевой ситуации — и к консенсусу без исключения, которое он вызывает, — вписаны в саму демократическую логику (Муфф, Смирнов, 2004: 148).

В работе «Какая публичная сфера нужна демократическому обществу?» Муфф подчеркивает политические последствия этого теоретического тезиса. Критикуя Хабермаса, она пишет, что цель демократического общества — это создание рационального консенсуса, «достигнутого посредством надлежащих делиберативных процедур, целью которых является выработка решений, представляющих беспристрастную точку зрения, в равной мере отвечающую интересам всех» (Mouffe, 2002: 56). Все, кто ставит под сомнение саму возможность такого рационального консенсуса и утверждает, что политическое — это область, в которой следует рационально ожидать раздора, обвиняются в подрыве самой возможности демократии:

Как, например, говорит Хабермас: «Если вопросы справедливости не могут выходить за рамки этического самопонимания конкурирующих форм жизни, и экзистенциально значимые ценностные конфликты и оппозиции должны проникать во все спорные вопросы, то в конечном счете мы придем к чему-то похожему на понимание политики Карлом Шмиттом» (Habermas, 1996: 1493, цит. по: Mouffe, 2002: 56).

Муфф утверждает, что «консенсус в центре, который, как предполагается, включает всех в наших так называемых посттрадиционных обществах, не может существовать без установления границы, потому что никакой консенсус или никакая общая идентичность не могут существовать без проведения границы. Не может быть „мы“ без „они“, и сама идентичность любой группы зависит от существования „конститутивно-го вовне“» (ibid.: 62). Поскольку в условиях господства консенсусного дискурса «они» не могут быть определены как политический противник, они определяются как моральный враг, как «злые они». Это ведет к морализации политики, которая препятствует агонистической борьбе: «Со „злыми ними“ агонистический дебат невозможен; они должны быть искоренены» (ibid.: 63).

Таким образом, делиберативная модель, по мнению Муфф, не только теоретически несостоятельна, но и политически опасна. Требование рационального консенсуса на самом деле означает, что одна из возможных интерпретаций общих ценностей будет объявлена единственно верной, а все остальные будут вытеснены из публичной сферы. Когда плюрализм мнений и альтернативных проектов вытесняется из официальной политики, он находит другие, часто уродливые формы выражения — в виде национализма, популизма, религиозного фундаментализма или даже терроризма.

КРИТИЧЕСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К АГОНИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ

Однако, при всей остроте своей критики, агонистический подход в целом остается на уровне деконструкции либеральной теории демократии и не предлагает конкретного механизма институционального «одомашнивания» конфликта. Критика делиберативной модели со стороны Шанталь Муфф получает существенное дополнение в работе Нэнси Фрейзер «Переосмысливая публичную сферу». Фрейзер, разделяя многие исходные пункты Муфф, предлагает более детальную концептуализацию публичной сферы, которая в значительной мере перекликается с агонистическим проектом, но одновременно указывает на его ограничения.

Фрейзер начинает с признания важности хабермасовского понятия публичной сферы, которое «предоставляет способ обойти некоторые заблуждения, которые преследовали прогрессивные социальные движения» (Fraser, 1990: 56). Однако она утверждает, что «конкретная форма, в которой Хабермас разработал эту идею, не является полностью удовлетворительной» (ibid.: 57). Фрейзер выделяет четыре проблематичных допущения «буржуазной»¹ концепции публичной сферы:

¹ Она пишет: «Позвольте мне напомнить, что подзаголовок „Структурной трансформации“ — „Исследование категории буржуазного общества“. Объектом исследования является возникновение и упадок исторически специфической и ограниченной формы публичной сферы, которую Хабермас называет „либеральной моделью буржуазной публичной сферы“. [...] Итогом является аргумент, что при изменившихся условиях второй половины XX века „массовой демократии государства всеобщего благосостояния“ буржуазная или либеральная модель публичной сферы больше не является осуществимой [...]. Как ни странно, Хабермас останавливается, не разрабатывая новую, постбуржуазную модель публичной сферы. Более того, он никогда явно не проблематизирует некоторые сомнительные допущения, лежащие в основе буржуазной модели» (Fraser, 1990: 57). Четыре допущения, о которых далее пойдет речь, — это те предположения в теории Хабермаса,

- (1) допущение, что для собеседников возможно выносить за скобки статусные различия и обсуждать, «как если бы» они были социальными равными; допущение, следовательно, что социальное равенство не является необходимым условием для политической демократии;
- (2) допущение, что единая, всеобъемлющая публичная сфера всегда предпочтительнее множества публик;
- (3) допущение, что дискурс в публичных сферах должен быть ограничен обсуждением общего блага;
- (4) допущение, что функционирующая демократическая публичная сфера требует резкого разделения между гражданским обществом и государством (Fraser, 1990: 62–63).

Критика Фрейзер первого допущения особенно значима. Она утверждает, что «вынесение за скобки социальных неравенств в делиберации, что означает действовать так, как если бы их не существовало, когда они существуют, это не способствует партисипаторному равенству. Напротив, такое вынесение за скобки обычно работает в пользу доминирующих групп в обществе и в ущерб подчиненным» (ibid.: 65). Она цитирует Джейн Мэнсбридж, которая утверждает, что

превращение «я» в «мы», достигаемое через политическую делиберацию, может легко маскировать тонкие формы контроля. [...] Подчиненные группы иногда не могут найти правильный голос или слова, чтобы выразить свои мысли, а когда находят, то обнаруживают, что их не слышат. [Они] замолкают, их поощряют держать свои желания в неоформленном состоянии и слышат, как они говорят «да», когда то, что они сказали, было «нет» (Mansbridge, 1990: 127, цит. по: Fraser, 1990: 64).

Фрейзер делает радикальный вывод: «Вопреки либерализму, политическая демократия требует субстантивного социального равенства» (ibid.: 66). Это означает, что «невозможно изолировать специальные дискурсивные арены от эффектов социального неравенства; и что там, где социальное неравенство сохраняется, делиберативные процессы в публичных сферах будут иметь тенденцию работать в пользу доминирующих групп и в ущерб подчиненным» (ibid.: 67).

которые ставятся под сомнение новыми историческими данными (исследующими не либеральные и не буржуазные публичные сферы, к примеру, то, как североамериканские женщины XIX в. различных классов и этничностей конструировали пути доступа к публичной политической жизни, даже несмотря на их исключение из официальной публичной сферы).

Второе допущение Фрейзер заменяет утверждением, что «множественность публик предпочтительнее единой публичной сферы как в стратифицированных, так и в эгалитарных обществах» (Fraser, 1990: 70). Она вводит важнейшее понятие «субалтерных контрпублик» — «параллельных дискурсивных арен, где члены подчиненных социальных групп изобретают и распространяют контрдискурсы, которые, в свою очередь, позволяют им формулировать оппозиционные интерпретации своих идентичностей, интересов и потребностей»² (ibid.: 67). В качестве примера она приводит феминистскую субалтерную контрпублику, которая изобрела такие термины, как «сексизм», «двойная смена», «сексуальное домогательство» и «изнасилование в браке», что позволило «переформулировать наши потребности и идентичности, тем самым уменьшив, хотя и не устранив, степень нашего неблагополучия в официальных публичных сферах» (ibid.: 68). Фрейзер подчеркивает двойственный характер субалтерных контрпублик:

С одной стороны, они функционируют как пространства отступления и перегруппировки; с другой стороны, они также функционируют как базы и тренировочные площадки для агитационной деятельности, направленной на более широкие публики. Именно в диалектике между этими двумя функциями заключается их эмансипаторный потенциал (ibid.).

При этом она не говорит о том, что само по себе существование субалтерных контрпублик обязательно предполагает, что внутри этих сообществ будут отношения равенства; нет, многие из них явно антидемократичны и антиэгалитарны, в них существуют собственные практики исключения и маргинализации. Но так как они возникают в ответ на уже существующие исключения в доминирующей публичной сфере, их появление помогает расширить дискурсивное пространство и потенциально — саму публичную сферу.

И это расширение позволяет проблематизировать сложившиеся в обществе представления о том, что является «общим благом», стоящим публичного обсуждения, а что — частным делом отдельных социальных групп. Фрейзер пишет о том, что только сами участники обсуждения могут решить, что является, а что не является для них общим интересом. Однако нет гарантии, что все они будут в этом согласны. Например, до самого последнего времени участники борьбы за права

²И это рассуждение представляет собой своеобразный ответ на вопрос «Могут ли угнетенные говорить?», заданный Гаятри Спивак в одноименном эссе (Спивак, Горных, 2001).

женщин были в меньшинстве, считая, что домашнее насилие против женщин является общим интересом и, следовательно, законной темой публичного дискурса. Подавляющее большинство людей считало этот вопрос частным делом. Однако это может измениться, само понятие общего блага может быть переосмыслено — если мы все еще говорим о демократическом обществе. Общее благо формулируется в процессе обсуждения, а не дано априорно.

Четвертое допущение Фрейзер заменяет различием «сильных» и «слабых» публик. Слабые публики — это те, «чья делиберативная практика состоит исключительно в формировании мнения и не охватывает также принятие решений» (Fraser, 1990: 75). Сильные публики, напротив, «охватывают как формирование мнения, так и принятие решений» (ibid.). Буржуазная концепция публичной сферы, которую развивает Хабермас, предполагает желательность резкого разделения гражданского общества и государства, и в результате то, что Фрейзер называет «слабыми публикациями» (то есть гражданское общество), должно быть автономным и отдельным от государственных институтов, принимающих властные решения. Это позволяет гражданскому обществу осуществлять критическую оценку действий государства, однако очевидным образом лишает публичную сферу какой-либо власти: ее существование не связано ни с какими суверенными решениями, санкционирующими использование государственной власти, напротив, публичное обсуждение завершается «общественным мнением», критическим комментарием к санкционированному принятию решений, которое всегда происходит в другом месте. Возникновение парламентского суверенитета, по мнению Фрейзер, размывает разделение между гражданским обществом и государством и представляет собой «демократический прогресс по сравнению с более ранними политическими устройствами» (ibid.: 76). Она ставит вопрос о возможной пролиферации сильных публик в форме самоуправляющихся институтов, которые могли бы участвовать не только в обсуждении, но и в принятии решений, что открывает перспективы для «прямой или квазипрямой демократии» (ibid.).

Концепция Фрейзер во многом созвучна агонистическому подходу Муффа, но и существенно его дополняет. Фрейзер уделяет больше внимания материальным условиям участия в публичных обсуждениях и социально-экономическому неравенству как препятствию для партиципаторного равенства. В то время как Муфф фокусируется на символическом измерении политической борьбы за гегемонию, Фрейзер

настаивает на том, что «недостаточно просто выносить за скобки социальное неравенство» и что «необходимым условием для партисипаторного равенства является устранение системных социальных неравенств» (Fraser, 1990: 77). Это дополнение делает агонистический критический проект более чувствительным к социально-экономическим измерениям демократической политики.

Схожей критике посвящена книга Стивена Гормли *Deliberative Theory and Deconstruction: A Democratic Venture* (Gormley, 2020). Шанталь Муфф, с его точки зрения, является главным представителем агонистической теории демократии, чья критика делиберативного подхода, по мнению Гормли, одновременно и ценна, и недостаточно глубока. Однако более, чем разбор критики хабермасовской теории, интересна критика Гормли самой теории антагонизма. Он обнаруживает в работах Муфф постоянное скольжение между тезисом о том, что антагонизм возможен (и его важно учитывать), и тезисом о том, что он необходим и неизбежен. Гормли настаивает на том, что это не просто терминологическая небрежность, а признак неразрешенной дилеммы в самой сердцевине ее проекта. Эта двусмысленность ставит под вопрос практическую ценность этой модели, ведь если антагонизм абсолютно неизбежен, то политическая деятельность сводится к бесконечной борьбе, а если он всего лишь возможен, то его приоритет над другими формами политического взаимодействия нуждается в дополнительном обосновании.

Хорошим дополнением к этой критике может стать теория «коммуникативной демократии» Аделы Кортины, которая представляет собой этически обоснованную и институционально проработанную модель превращения антагонизма в агонизм. Кортина пишет, что критика Муфф в адрес делиберативной демократии страдает существенной неточностью: она не различает две принципиально разные эпистемологические модели, которые Кортина обозначает как D_1 и D_2 (Cortina, 2010: 137–138). Модель D_1 , характерная для политического либерализма Ролза, Гутман и Томпсон, действительно рассматривает делиберацию лишь как нормативный идеал и тест на демократическую легитимность, оставляя открытым вопрос о том, почему граждане не должны использовать дискуссию для защиты частных интересов. В этой модели, как справедливо замечает Муфф, консенсус может оказаться не более чем маскировкой доминирования.

Однако модель D_2 , восходящая к этике дискурса Апеля и Хабермаса, предлагает иное основание: «сама диалогическая рациональность человека требует диалогов для обнаружения обоснованности норм как

в моральной, так и в политической сфере» (Cortina, 2010: 137–138). Это означает, что агонистический конфликт получает эпистемологический смысл: борьба интерпретаций есть не просто столкновение интересов, а способ обнаружения того, какие нормы могут претендовать на рациональную приемлемость.

Как пишет Кортина, развивая аргументацию Карлоса Нино, «интерсубъективное обсуждение и решение составляют наиболее надежное средство доступа к моральной истине, потому что обмен идеями увеличивает знание и помогает беспристрастно учитывать интересы затронутых сторон» (Nino, 1997: 161–162, цит. по: Cortina, 2010: 137). Агонизм, таким образом, не просто признается как неизбежность, но получает когнитивную ценность: он служит проверке притязаний на справедливость. Этот аргумент имеет прямое отношение к полемике между Муфф и ее критиками. Когда Николай Роскамм утверждает, что «укрошенный агонизм» Муфф оказывается «постантагонизмом» и теряет радикальную негативность политического, он упускает из виду, что в модели D_2 конфликт не «укрошается» внешним образом, а получает внутреннее оправдание как процедура обнаружения универсализуемых интересов. Критика Роскамма бьет мимо цели именно потому, что он, как и сама Муфф, не различает две модели делиберации: его аргумент работает против D_1 , но не затрагивает D_2 . Муфф вводит понятие «конфликтного консенсуса»: согласия по этико-политическим принципам при сохранении радикальных разногласий в их интерпретации. Однако это понятие остается декларативным и не получает институционального наполнения. Кортина предлагает дополнение хабермасовской теории делиберативной демократии. Она рассматривает делиберацию как процедурный тест на легитимность: решения должны быть в некотором смысле приемлемы для граждан, чтобы те могли считать себя их соавторами.

Однако модель D_1 , по мнению Кортины, оставляет открытым вопрос о том, почему граждане должны стремиться к рациональному обсуждению, а не использовать дискуссию для защиты своих частных интересов. Модель D_2 идет дальше: она исходит из того, что сама диалогическая природа человеческого разума требует дискурсов для обнаружения обоснованности норм. Делиберация здесь — не просто тест на легитимность, а способ познания справедливости. Кортина отдает предпочтение модели D_2 , но считает, что и она нуждается в существенных дополнениях. Ключевое дополнение, которое она предлагает, — это концепция взаимного признания автономии. Хабермас, по ее мнению, ошибочно стремится сделать верховный принцип практической рациональности

«морально нейтральным», сводя его к формальной процедуре. На самом деле, утверждает Кортина, в основе этого принципа лежит этическое признание другого как полноправного собеседника, которое раскрывает реальность «мы» и составляет ядро подлинной демократии. Она вводит понятие «логико-сердечного признания» (Cortina, 2010: 146), которое включает в себя не только рациональную аргументацию, но и эмоциональное, личностное признание другого в его целостности. Этот аспект, настаивает Кортина, игнорируется «логико-формальным социализмом» Хабермаса, который исключает из дискурсивной процедуры такие формы коммуникации, как повествования, свидетельства или жизненные истории, необходимые для подлинного взаимопонимания (ibid.: 146–147).

Это дополняется идеей конструирования «морального субъекта» (ibid.: 149): демократия требует не только процедур, но и воспитания граждан, обладающих волей к справедливости, способностью ценить справедливое и негодовать по поводу несправедливости. Без такого воспитания любые делиберативные процедуры останутся пустой формой. Это превращает обсуждение делиберативной демократии из политического в этический проект, который стремится трансформировать демократию из процедурного механизма в моральный идеал, пронизывающий все сферы социальной жизни, от политики до экономики и повседневных межличностных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассмотрению агонистического поворота в теории демократии, нужно еще раз отметить, что Шанталь Муфф предлагает, пожалуй, наиболее последовательную и теоретически обоснованную критику либерально-делиберативной парадигмы, обнажая ее фундаментальные противоречия и слепые пятна. С другой стороны, именно в попытке позитивной институционализации агонистической модели обнаруживаются ее собственные внутренние напряжения и нерешенные противоречия, которые, однако, не столько дискредитируют проект, сколько указывают на его незавершенность.

Разумеется, в этом тексте у нас нет возможности охватить все современные дискуссии вокруг агонистической демократии, это невозможно в формате одной журнальной статьи, да и не нужно³. В данном случае

³Тем более что можно сослаться на статьи, которые достаточно неплохо вводят в контекст полемики вокруг понятия «агонизм» и «агонистическая модель демократии». См., например: Байша, 2026; Михайловский, 2008; Поцелуев, 2011; Савин, 2015.

нашей задачей было показать внутреннюю логику агонистического поворота, его интеллектуальные источники, прежде всего политические идеи Карла Шмитта, реконструировать идеи самой Шанталь Муфф, а также те продуктивные дополнения, которые уже встроены в дискуссию.

Главная заслуга Муфф состоит в радикальной проблематизации того, что она называет «постполитическим» консенсусом. Ее критика делиберативной демократии показывает, что стремление вынести за скобки конфликт и подменить его рациональным согласием не только теоретически наивно, но и политически опасно. Требование обязательного консенсуса, как показывает Муфф, неизбежно превращается в механизм исключения: те, кто не вписывается в доминирующую интерпретацию общих ценностей, вытесняются из публичной сферы и оказываются в положении моральных врагов, с которыми невозможен никакой диалог. Именно это морализаторство политики, по ее мнению, питает сегодня рост правого популизма, религиозного фундаментализма и других форм деструктивной политизации. В этом смысле диагностическая сила агонистического подхода не вызывает сомнений: он дает инструменты для понимания того, почему «конец истории» обернулся не всеобщим процветанием, а новыми расколами и травмами.

Однако переход от критики к конструктивной программе обнаруживает уязвимости проекта самой Муфф. Ее центральная идея, состоящая в трансформации антагонизма между врагами в агонизм между противниками, признающими легитимность друг друга, остается на уровне декларации и не получает убедительного институционального оформления. Как справедливо замечает Николай Роскамм, «укрошенный антагонизм» Муфф оказывается не столько решением проблемы, сколько ее переименованием: если антагонизм действительно неустраним, то любой агонизм содержит в себе возможность рецидива вражды, и граница между противником и врагом оказывается зыбкой и ситуативной. Более того, сама Муфф признает, что чистый агонизм невозможен, что оставляет ее теорию в состоянии перманентной неопределенности.

И именно здесь критические дополнения Нэнси Фрейзер и Аделы Кортины приобретают особое значение. Фрейзер, разделяя агонистическую критику универалистского консенсуса, смещает акцент с символической борьбы за гегемонию на условия возникновения и (что более важно) поддержания партисипаторного равенства. Ее тезис о том, что политическая демократия требует субстантивного социального равенства, является важным дополнением к исходному фокусу на дискурсивных практиках. Без внимания к экономическим неравенствам

и структурным барьерам участия агонистическая демократия рискует воспроизвести те же механизмы исключения, которые она критикует у либералов. Концепция «субалтерных контрпублик» Фрейзер предлагает конкретный механизм, через который агонистическая борьба может обрести институциональную плоть: множественные публичные сферы становятся пространствами, где маргинализированные группы вырабатывают контрдискурсы и оспаривают доминирующие интерпретации общего блага. Кортиня, в свою очередь, предлагает этическое и эпистемологическое обоснование агонизма, которого не хватает Муфф.

Таким образом, продуктивность агонистической модели заключается не в том, что она предлагает готовую институциональную архитектуру, а в том, что она задает направление критической рефлексии. Она заставляет нас отказаться от иллюзии окончательного примирения и признать, что демократия — это не состояние, а процесс, не решение, а проблема, которая никогда не решается окончательно. Именно это признание своей неустранимой конфликтности и есть, возможно, самый сильный вклад Муфф в политическую теорию. Как метко выразилась сама Муфф, завершая одно из своих интервью, цитируя Беккета: «Ever tried. Ever failed. No matter. Try again. Fail again. Fail better» (Beckett, 1983, цит. по: Decreus & Lievens, 2011: 699). В этих словах квинтэссенция агонистического подхода: признание невозможности окончательного совершенства, но и отказ от отчаяния, надежда, которая питается не обещанием конечного успеха, а самим процессом борьбы. Это, возможно, и есть наиболее адекватное отношение к сложности и неопределенности современной демократической политики. Агонистическая демократия не обещает гармонии, но дает язык для артикуляции разногласий и институциональную рамку, в которой эти разногласия могут быть выражены без перехода в гражданскую войну.

ЛИТЕРАТУРА

- Байша О. А. Дискурс, антагонизм и агонизм : дискурсивная теория Лаклау и Муфф и ее последующее развитие // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. — 2026. — Т. 42, № 1. — С. 107–117.
- Михайловский А. В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. — 2008. — № 9. — С. 158–171.
- Муфф Ш. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. — 2004. — № 6. — С. 140–153.

- Поцелуев С. П.* От «антагонизма» к «агонизму»: к теории демократии Э. Лаклау и Ш. Муфф // Политическая концептология. — 2011. — № 2. — С. 47–49.
- Савин Н. Ю.* Порывая с Карлом Шмиттом: понятие политического в теории агонистического плюрализма // Логос. — 2015. — Т. 25, № 6. — С. 163–179.
- Спивак Г. Ч.* Могут ли угнетенные говорить? / пер. с англ. А. Горных // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. — Харьков, СПб.: ХЦГИ, Алетейя, 2001. — С. 649–670.
- Шмитт К.* Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. — 2009. — Т. 8, № 2. — С. 6–16.
- Шмитт К.* Понятие политического / под ред. А. Ф. Филиппова; пер. с нем. А. Ф. Филиппова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. — СПб.: Наука, 2016.
- Beckett S.* *Worward Ho.* — London: John Galder, 1983.
- Benhabib S.* *Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy* // *Democracy and Difference. Contesting the Boundaries of the Political* / ed. by S. Benhabib. — Princeton (NJ): Princeton University Press, 1996. — P. 67–87.
- Cortina A.* *Communicative Democracy: A Version of Deliberative Democracy* // *ARSP: Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie (Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy)*. — 2010. — Vol. 96, no. 2. — P. 133–150.
- Decreus T., Lievens M.* *Hegemony and the Radicalisation of Democracy: An Interview with Chantal Mouffe* // *Tijdschrift voor Filosofie*. — 2011. — Vol. 73, no. 4. — P. 677–699.
- Fraser N.* *Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy* // *Social Text*. — 1990. — Vol. 26, no. 25. — P. 56–80.
- Gormley S.* *Deliberative Theory and Deconstruction: A Democratic Venture.* — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020.
- Habermas J.* *Reply to Symposium Participants* // *Cardozo Law Review*. — 1996. — Vol. 17, no. 4/5. — P. 1477–1557.
- Laclau E., Mouffe C.* *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics.* — London, New York: Verso, 1985.
- Lefort C.* *The Political Forms of Modern Society.* — Cambridge (MA): The MIT Press, 1986.
- Mansbridge J.* *Feminism and Democracy* // *The American Prospect*. — 1990. — No. 1. — P. 126–139.
- Mouffe C.* *Radical Democracy: Modern or Postmodern?* // *Social Text*. — 1989. — No. 21. — P. 31–45.
- Mouffe C.* *Citizenship and Political Identity* // *October*. — 1992. — Vol. 61. — P. 28–32.
- Mouffe C.* *Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism?* // *Social Research*. — 1999. — Vol. 66, no. 3. — P. 745–758.

Mouffe C. Which Public Sphere for a Democratic Society? // *Theoria : A Journal of Social and Political Theory*. — 2002. — No. 99. — P. 55–65.

Mouffe C. *The Democratic Paradox*. — London, New York : Verso, 2000.

Nino C. S. *La constitución de la democracia deliberativa*. — Barcelona : Gedisa, 1997.

Roskamm N. On the Other Side of “Agonism”: “The Enemy”, the “Outside”, and the Role of Antagonism // *Planning Theory*. — 2015. — Vol. 14, no. 4. — P. 384–403.

Marey, M. D. 2026. “Konflikt kak norma [Conflict as Normal]: agonisticheskii povorot v teorii demokratii [The Agonistic Turn in Democratic Theory]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 10 (3), 13–42.

MARIA MAREY

PHD IN PHILOSOPHY
EXECUTIVE SECRETARY

JOURNAL “PHILOSOPHY. JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS” (MOSCOW, RUSSIA)
ASSOCIATE PROFESSOR

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-9251-4399

CONFLICT AS NORMAL

THE AGONISTIC TURN IN DEMOCRATIC THEORY

Submitted: Dec. 08, 2025. Reviewed: Apr. 24, 2026. Accepted: Aug. 09, 2026.

Abstract: This article examines the agonistic turn in democratic theory, focusing primarily on the work of Chantal Mouffe. The starting point is the diagnosis of a systemic crisis of liberal democracy, which, contrary to the optimistic predictions of the late twentieth century, has not disappeared but has assumed new and more acute forms. The author demonstrates that classical deliberative models (Rawls, Habermas), oriented toward rational consensus, prove theoretically untenable and politically dangerous, as they bracket out the ineradicable antagonism inherent in any pluralistic political community. The core of the analysis centers on Mouffe’s key concepts: hegemony as a temporary and contestable representation of totality; agonism as a “tamed” form of antagonism; and her critical reconceptualization of citizenship and the public sphere. Particular attention is paid to Mouffe’s intellectual sources, especially her polemical engagement with Carl Schmitt, from whom she borrows the understanding of the political as a field of conflict while radically reworking his conclusions in a democratic direction. However, the article goes beyond exposition to consider productive correctives proposed by Nancy Fraser (on material inequality and subaltern counterpublics) and Adela Cortina (on the ethical foundation of agonism and the cultivation of moral subjects), which help overcome the weaknesses of the agonistic approach—its institutional underdevelopment and neglect of socio-economic conditions for participatory equality. Ultimately, the agonistic model emerges not as a completed political program but as a critical optic that demands ongoing reflection and incompleteness—an invitation to a struggle waged not for annihilation, but for recognition of the opponent’s legitimacy.

Keywords: Agonistic Democracy, Antagonism, Hegemony, Political Conflict, Deliberative Democracy, Public Sphere, Chantal Mouffe, Carl Schmitt.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-13-42.

REFERENCES

- Baysha, O. A. 2026. "Diskurs, antagonizm i agonizm [Discourse, Antagonism and Agonism]: diskursivnaya teoriya Laklau i Muff i yeye posleduyushcheye razvitiye [The Discourse Theory of Laclau and Mouffe and its Further Development]" [in Russian]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]* 42 (1): 107–117.
- Beckett, S. 1983. *Worstward Ho*. London: John Galder.
- Benhabib, S. 1996. "Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy." In *Democracy and Difference. Contesting the Boundaries of the Political*, ed. by S. Benhabib, 67–87. Princeton (NJ): Princeton University Press.
- Cortina, A. 2010. "Communicative Democracy: A Version of Deliberative Democracy." *ARSP: Archiv für Rechts-und Sozialphilosophie (Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy)* 96 (2): 133–150.
- Decreus, T., and M. Lievens. 2011. "Hegemony and the Radicalisation of Democracy: An Interview with Chantal Mouffe." *Tijdschrift voor Filosofie* 73 (4): 677–699.
- Fraser, N. 1990. "Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy." *Social Text* 26 (25): 56–80.
- Gormley, S. 2020. *Deliberative Theory and Deconstruction: A Democratic Venture*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Habermas, J. 1996. "Reply to Symposium Participants." *Cardozo Law Review* 17 (4–5): 1477–1557.
- Laclau, E., and C. Mouffe. 1985. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London and New York: Verso.
- Lefort, C. 1986. *The Political Forms of Modern Society*. Cambridge (MA): The MIT Press.
- Mansbridge, J. 1990. "Feminism and Democracy." *The American Prospect*, no. 1, 126–139.
- Mikhaylovskiy, A. V. 2008. "Bor'ba za Karla Shmitta. O retseptsii i aktual'nosti ponyatiya politicheskogo [The Fight for Carl Schmitt. On the Reception and Relevance of the Concept of Political]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*, no. 9, 158–171.
- Mouffe, C. 1989. "Radical Democracy: Modern or Postmodern?" *Social Text*, no. 21, 31–45.
- . 1992. "Citizenship and Political Identity." *October* 61:28–32.
- . 1999. "Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism?" *Social Research* 66 (3): 745–758.
- . 2002. "Which Public Sphere for a Democratic Society?" *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*, no. 99, 55–65.
- Mouffe, Ch. 2000. *The Democratic Paradox*. London and New York: Verso.
- . 2004. "Karl Shmitt i paradoks liberal'noy demokratii [Carl Schmitt and the Paradox of Liberal Democracy]" [in Russian], trans. from the English by A. Smirnov. *Logos*, no. 6, 140–153.
- Nino, C. S. 1997. *La constitución de la democracia deliberativa* [in Spanish]. Barcelona: Gedisa.
- Potseluyev, S. P. 2011. "Ot 'antagonizma' k 'agonizmu' [From 'Antagonism' to 'Agonism']: k teorii demokratii E. Laklau i Sh. Muff [Towards the Theory of Democracy by E. Laclau and C. Mouffe]" [in Russian]. *Politicheskaya kontseptologiya [The Political Conceptology]*, no. 2, 47–49.
- Roskamm, N. 2015. "On the Other Side of 'Agonism': 'The Enemy', the 'Outside', and the Role of Antagonism." *Planning Theory* 14 (4): 384–403.

- Savin, N. Yu. 2015. "Poryvaya s Karlom Shmittom [Breaking with Carl Schmitt]: ponyatiye politicheskogo v teorii agonisticheskogo plyuralizma [The Concept of the Political in Chantal Mouffe's Agonistic Pluralism]" [in Russian]. *Logos* 25 (6): 163–179.
- Schmitt, C. 2009. "Dukhovno-istoricheskoye sostoyaniye sovremennogo parlamentarizma. Predvaritel'nyye zamechaniya (O protivopolozhnosti parlamentarizma i demokratii) [Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus]" [in Russian], trans. from the German by A. F. Filippov. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 8 (2): 6–16.
- . 2016. *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]* [in Russian]. Ed. by A. F. Filippov. Trans. from the German by A. F. Filippov, A. P. Shurbelev, and Yu. Yu. Korinets. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Spivak, G. Ch. 2001. "Mogut li ugnetennyye govorit'?" [Can the Subaltern Speak?]" [in Russian]. In *Khrestomatiya [Anthology]*, bk. II of *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya [Introduction to Gender Studies]*, trans. from the English by A. Gornyxh, 649–670. Khar'kov and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: KhTsGI / Aleteyya [Kharkov Centre for Gender Studies and Aletheia].